

Фу Гэ спал в объятиях Ци Ханя.

Два часа глубокого сна, полностью погружённый в альфа-феромоны, он был как в коконе — мягком, тёплом. Этот аромат впитался в каждую клеточку, пропитал волосы, кожу, даже воздух в комнате, и кто угодно, войдя сюда, понял бы без слов: его партнёр слишком яростно заявляет свои права.

Когда медсестра зашла, чтобы сменить повязки, малыш всё ещё не проснулся.

Ци Хань тут же повернулся к ней, приложил палец к губам, предупреждая, что шуметь не стоит. Затем бесшумно выскользнул из кровати и, встав у её края, в один плавный, ленивый жест сорвал с себя майку.

Мышцы на плечах напряглись, когда он выпрямился, отбросив её в сторону.

На его теле было слишком много ран. Он давно привык, что менять повязки приходится на голое тело, но в прошлый раз ему помогал медбрат, а сегодня...

Сегодня это была молодая девушка.

Она застыла. Лицо мгновенно вспыхнуло ярким румянцем, глаза дёрнулись вниз, потом вверх, руки сжались на подносе, и в следующий момент стерильные щипцы с глухим звоном упали на пол.

— П-простите... Ци-хуэйчан!

Медсестра вздрогнула, бросила нервный взгляд на кровать, боясь даже дышать слишком громко — если пациент проснётся, а альфа из-за этого взбесится, ей точно не поздоровится.

Но, к её удивлению, Ци Хань, едва заметив, что перед ним девушка, тут же развернулся, молча поднял с кресла больничную рубашку и быстро натянул её на плечи.

— Ничего страшного, — бросил он, застёгивая пуговицы так, чтобы три верхние остались расстёгнутыми, обнажая перевязанное плечо. — Сегодня только рана от пули, остальное можешь не трогать. Сделай побыстрее, мой малыш скоро проснётся.

— А! Да, конечно, я сейчас!

Она в панике схватила щипцы, машинально продезинфицировала их ещё раз, затем, собравшись, сосредоточилась на работе. Всё заняло не больше пары минут — наложить новую повязку, проверить бинты, зафиксировать края пластырем.

— Готово!

После этого она тут же выскочила за дверь, не оборачиваясь.

Ци Хань только усмехнулся и потянулся, разминая плечи. В голове крутилась мысль: что приготовить на ужин, какой бульон лучше для Фу Гэ, добавить ли женьшень или пусть просто будет куриный с грибами...

Он обернулся — и замер.

Фу Гэ уже проснулся.

Растрепанный, ещё не до конца очнувшийся, он смотрел на него из-под полуприкрытых век, медленно моргая.

— Ты как вообще так накачался? — пробормотал он, голос ещё был хриплым после сна. — В школе ты был... ну, нормальный. Не такой пугающий. Альфы что, ещё и второй раз взрослеют?

Говоря это, он лениво вытянул ногу из-под одеяла и небрежно положил её на бедро Ци Ханя.

Тонкая, белоснежная щиколотка, гладкая кожа, едва заметный розовый оттенок — и атласная лента, которую сам Ци Хань когда-то повязал на его ногу. На конце ленты покачивался крохотный тибетский молельный барабанчик, мягко касаясь его кожи при каждом движении.

Ци Хань почувствовал, как у него напряглись пальцы.

Глядя на него, он вдруг понял — это была самая соблазнительная вещь, которую он когда-либо видел.

Дыхание Ци Ханя сбилось, в глазах потемнело, а взгляд, лениво скользнувший сверху вниз, был почти насмешливым, чуть свысока.

Он подумал: этот человек, что лежит передо мной, теперь целиком и полностью принадлежит мне. Всякий раз, когда я смотрю на него, я вижу это. Чувствую.

Белоснежная рука, небрежно покоящаяся на тёмном одеяле, вызвала сухость в горле. Маленькая ступня, беззастенчиво прижатая к его бедру, заставляла язык произвольно провести по губам. А этот низкий, хриловатый голос, только что проснувшийся и ещё не до конца очнувшийся, был похож на ласковую, невидимую руку, что тянулась к самому чувствительному месту внутри, поглаживала, дразнила, сводила с ума.

Поэтому всё, что сказал Фу Гэ, в его голове мгновенно исказилось.

— Я слышал от дяди Чжуна, что ты раньше часто ходил на ринг. В следующий раз возьми меня с собой, я буду помогать тебе вытирать пот.

— Пот? Бэби, во время секса его куда больше, чем в зале. Если на ринге ты будешь меня вытирать, что же на кровати? Тоже оближешь?..

— А подбадривает пускай Сяо Цзюэ, а я не буду. Весной голос легко садится.

— Конечно, твой голосок слишком нежный, стоит чуть перегнуть — тут же срывается. Но как же сладко ты хрипишь, когда плачешь...

— Когда ты в следующий раз пойдёшь играть в баскетбол? Я скучаю по этому зрелищу.

— А когда ты в следующий раз позволишь себя взять? Я скучаю по тому, как ты дрожишь в моих руках...

— Может, на следующей неделе заедем в школу? Я давно хотел посмо... эй!

Он даже не успел договорить, как Ци Хань резко набросился, прижал его к кровати и цапнул за подбородок, захватывая губы в грубом, безжалостном поцелуе.

— Ммм... ты что... не надо!

Фу Гэ напрягся, но тот только сильнее сжал его в руках, удерживая, не давая ни отстраниться, ни отвернуться. Дыхание у альфы сбилось, движения стали жадными, беспорядочными, а каждое новое прикосновение оказывалось ещё настойчивее.

— Вижу, в саду опять загуляли кошки... — Он отвёл губы ровно на пару миллиметров, улыбнулся уголком рта, злорадно, дразняще. — Ты тоже в весеннем настроении, малыш?

— Ты... опять... не выношу, когда ты так... ах... — Фу Гэ попытался оттолкнуть его, но пальцы дрожали, прикосновение оказалось слишком слабым.

Рука Ци Ханя скользнула под одеяло, легко, ловко, не оставляя ни малейшего шанса спрятаться.

— Раны ещё не зажили, а ты уже соблазняешь меня? — Голос был низким, почти рычащим.

Тёплые ладони медленно обрисовывали каждый изгиб тела, по коже расходилась дрожь, и

воздух в комнате стал тяжелее, горячее.

Фу Гэ всхлипнул, пальцы впились в его плечи, но не оттолкнули.

— Ты просто... зверь...

Ци Хань усмехнулся и, прижав его к себе, наклонился ниже.

— А ты ведь знал, что я таким и был.

— К-кто тебя вообще соблазнял?.. — Фу Гэ возмущённо вздохнул, но голос дрогнул, выдав его смущение.

— Ты валяешься на кровати без одежды, вытягиваешь ножку и пихаешь ею меня. — Ци Хань прикусил его губу, чуть натянул, зарычал сквозь зубы. — Это если не соблазнение, то что?

У него самого в голове только грязные мысли, а виноватым он сделает его, и точка. Потому что ему нужно видеть, как Фу Гэ густо краснеет, как злится, кусает губы, как смотрит на него с возмущением, в котором прячется что-то совсем другое.

— Да ты сам... — Фу Гэ аж задохнулся от негодования. — Одежду с меня кто снял? А ногу я на тебя закидываю просто так, по привычке! Совсем уже, может, мне вообще не дышать, раз любое моё движение тебя заводит?!

— А разве нет?

Ци Хань, наконец, сделал паузу, но лишь для того, чтобы уткнуться лбом в его плечо и беззвучно рассмеяться. Смеялся долго, низко, глухо, а потом снова накрыл его губами, держа за подбородок.

— Знаешь, наверное, это из-за ранения. Я сейчас вообще не могу сдерживаться. Только ты взглянешь на меня — и у меня в голове уже сцена, как ты весь голый, в слезах, просишь меня не останавливаться.

Фу Гэ фыркнул, сначала хотел разозлиться, но в итоге только хохотнул, зацепил его ухо и потянул в стороны.

— Ты ещё и вслух это говоришь! Годы идут, а ты как был деревенским разбойником, так и остался.

Ци Хань в школе был жутким плаксой, но при этом язык у него всегда был подвешен так, что

оставалось только поражаться. А в постели... О, там он ещё и грязнее был, чем можно было бы ожидать. Чем сильнее плакал — тем больше сквернословия срывалось с его губ, и тем сильнее он трахался.

— А мне чего стесняться? — Он с чистой совестью обнял его покрепче и устроился удобнее. — Ты же меня разным видел.

И, как будто подтвердив свои слова, поймал его пальцы и прижал к губам. Поцеловал один, другой, третий. Потом взял вторую руку и сделал то же самое. Потом прошёлся вверх — плечо, ключица, шея.

Фу Гэ сначала пытался его одёрнуть, но быстро сдался.

Ци Хань снова уткнулся в него лицом, продолжая покрывать кожу беспорядочными поцелуями.

— Ты вообще сосредоточься на процессе! — Он рассмеялся, ущипнул его за щёку. — Я тебя целую, а ты хоть бы ответил мне как-то.

Фу Гэ медленно заморгал, глядя на него исподлобья. Потом демонстративно приоткрыл губы, наклонился... и лениво лизнул его в нос.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы хозяин облизывал свою собаку в ответ?

Ци Хань замер.

Потом его глаза сверкнули, и он ухмыльнулся:

— Ах, так я ещё и пёс, да?..

— Эй! Не трогай, щекотно! Всё, сдаюсь, сдаюсь, больше не буду!

Фу Гэ еле вывернулся из его рук, завалился обратно на кровать и отдышался, уткнувшись в подушку. Открытое плечо слегка покраснело, на коже проступил тёплый розоватый оттенок. Ци Хань провёл ладонью по нему, медленно, задумчиво, а потом склонился и мягко поцеловал.

— Маленький, у меня для тебя подарок.

Фу Гэ, уже окончательно потерявший голову от его прикосновений, с трудом сфокусировал взгляд.

— Что за подарок?..

Ци Хань потянулся к тумбочке и достал крошечную коробочку.

Внутри лежала стеклянная печать.

На её поверхности была вырезана забавная толстенькая птичка с круглыми глазками, с половинкой скорлупы на голове, будто она только что вылупилась из яйца. Лапки короткие, животик выпирает — видно, что пернатый ни в чём себе не отказывает.

Фу Гэ загорелся, взял её в ладони и осторожно провёл по гравировке подушечкой пальца.

— Ты сам вырезал?

Ци Хань тут же вскинул голову, глаза загорелись:

— А ты откуда догадался?!

Фу Гэ мельком глянул на него, усмехнулся.

— Да она ж... ну, уродливая. Мастер по гравировке никогда бы так не испортил работу...

Он не успел закончить, потому что тут же получил мягкий, но ощутимый хлопок по ягодице.

— Не смей её критиковать! — Ци Хань нахмурился и, уткнувшись лбом ему в плечо, притворно вздохнул. — Я так старался...

Фу Гэ хохотнул, запрокинул голову и чмокнул его в щёку.

— Ладно-ладно, не дуйся, мне правда нравится. Очень милая. Глядя на эту... утку, сразу понятно, что кормят её на убой.

— Какая ещё утка?! Это птица! Маленький птенчик! — возмутился Ци Хань, недовольно сжав печать в руке. — К тому же, это ты.

Фу Гэ замер.

Промолчал.

Потом взял её в пальцы, повертел перед глазами, внимательно изучая.

— Ну... если так посмотреть, то даже мило.

Он сказал это с нарочитой небрежностью, но Ци Хань видел: если бы не понравилось, он бы не крутил её в руках уже несколько минут подряд.

— Это награда, — вдруг объявил он.

Прежде чем Фу Гэ успел спросить “За что?”, он аккуратно прижал печать к его лбу, оставляя маленький, почти невидимый отпечаток пухлой птички.

Потом взял печать, которую когда-то сделал Фу Гэ, и точно так же оставил себе на лбу крошечного медведя.

Так они и сидели — взрослые люди за двадцать, но с мультяшными животными, отпечатанными прямо посреди лба.

И самое страшное — ни один не чувствовал ни малейшего стыда.

— Кажется, так будет проще, — задумчиво протянул Ци Хань. — Каждый раз, когда ты сделаешь что-то хорошее для себя, я буду ставить тебе печать. Соберёшь десять птенчиков — приходи за наградой.

Фу Гэ лениво приоткрыл глаза, зевнул:

— И как вообще понять, что я делаю что-то хорошее для себя?

— Это очень просто.

Ци Хань развернул его к себе, зарывшись лицом в волосы, крепко обнял, а затем потянул за одеяло, укутывая его поплотнее.

— Например... — задумчиво начал он, чуть хмуря брови. — Надеваешь тёплую одежду, не мёрзнешь. Позволяешь себе валяться в постели, если не хочется встать. Если еда не нравится — спокойно перекладываешь её в мою тарелку. Если работа не доделана — не остаёшься допоздна в офисе, потому что она никуда не денется. Раз в неделю обязательно ешь лекарственные блюда, но, в качестве компенсации, можешь добавить в рацион картошку фри или даже огромную порцию спиральных картошек.

Он замолчал, на секунду отвёл взгляд, а потом, резко развернувшись, уткнулся лбом в его нос.

— Но самое главное... — Голос его стал ниже, строже, в нём больше не было ни намёка на

прежнюю игривость. — Ты перестаёшь уничтожать своё тело.

Фу Гэ слегка вздрогнул.

Ци Хань крепче сжал его в объятиях, подбородком упираясь в его макушку.

— Я не шучу. И не уговариваю. Это не просьба. Если я ещё раз увижу на тебе новые следы... — Он прервался, задержал дыхание, стиснул зубы, а затем закончил, тихо, но жёстко: — Я сделаю то же самое с собой.

Он говорил это жёстко, сдавливая его подбородок ладонью, заставляя смотреть прямо в глаза. В этот момент исчезла вся его мягкость, вся привычная терпимость. Остался только холодный, уверенный приказ, сказанный с той самой властью, которая заставляла всех вокруг подчиняться безоговорочно.

Фу Гэ прикусил губу, замолчал. Лицо его помрачнело, плечи опустились, а выражение стало таким, будто он только что услышал нечто ужасное.

— Что, даже одну птичку получить — и то сложно? — тихо выдохнул он.

Почему? Почему я каждый день рисую тебе десятки маленьких медведей, а ты не можешь даже чуть-чуть поступиться своими правилами ради меня?

Ци Хань чувствовал, как сердце сжимается от боли. Он не мог больше держаться строго, не мог продолжать давить — стоило Фу Гэ чуть нахмуриться, чуть скривить губы в подавленном жесте, как внутри него всё переворачивалось.

Он тут же придвинулся ближе, провёл пальцами по его волосам, прижался губами к виску.

— Ты злишься? Думаешь, я пытаюсь тебя контролировать?

Фу Гэ опустил взгляд, его голос был почти неслышен:

— Нет... Я просто... не могу иначе.

Прикосновение к боли — такая же зависимость, как курение или алкоголь. Её невозможно так просто выбросить, невозможно просто перестать. Время от времени он ловил себя на том, что снова облизывает ранки на губах, снова надавливает на синяки на запястьях, снова жжёт кожу сигаретами, потому что только в эти моменты чувствовал себя живым.

И только в эти моменты он слышал, как шёпотом, на грани сознания, возвращаются к нему

старые воспоминания.

Ци Хань знал. Он знал, почему так происходит. Знал, как много тьмы было в его прошлом.

— Это ничего, малыш. — Его голос потеплел, движения стали мягче. — Мы справимся. Мы попробуем вместе, хорошо?

Он провёл пальцем по знакомому следу от ожога на ключице, а потом, чуть стиснув челюсти, нажал сильнее.

Фу Гэ резко вдохнул, прикрыл глаза.

Его длинные ресницы дрогнули, дыхание сбилось, а между бледных губ проскользнул сдавленный стон.

Ци Хань сразу понял.

Понял, что он наслаждается этим.

И от этого его сердце разорвалось.

— Тебе нравится?..

— Мм... — Фу Гэ уткнулся в его плечо, полуприкрыл глаза, голос был слабый, тянущий, почти умоляющий. — А-Хань... ещё раз, чуть сильнее...

Ци Хань судорожно втянул воздух, губы дрогнули.

Руки слегка тряслись, но он всё же подчинился, снова надавил на ожог, наблюдая, как его малыш напрягается в ответ, как подрагивают губы, как смыкаются ресницы в блаженной агонии.

И сразу же после этого — резко, жадно, с силой прижал его к себе и поцеловал.

— В последний раз. — В голосе было что-то тёмное, опасное. — Больше никогда. Забудь о сигаретах, забудь об этом... если тебе нужна боль, я дам тебе её. Но, клянусь, это будет не мучение, а удовольствие.

Фу Гэ замер.

Щека, прижатая к его руке, вспыхнула жаром, дыхание стало чуть прерывистым.

— Как... как ты это сделаешь?

Ци Хань вздохнул, обречённо скользнул пальцем по его носу.

— Я изучил вопрос. — Голос стал ниже, ленивее. — Есть способы. Верёвки. Плеть. Асфиксия. Полный контроль...

С каждым словом глаза Фу Гэ становились всё ярче, шире, блеск в них почти был фанатичным.

— Всё это...

— Я готов попробовать! — выпалил он, даже не дав тому договорить.

Ци Хань прищурился, выждал паузу.

— ...я не собираюсь этого делать.

Фу Гэ мгновенно вытянулся в струнку, а потом сдулся, как проткнутый шарик, и рухнул обратно, свернувшись клубком.

Лежал, молчал, смотрел в одну точку с обиженным видом.

Ци Хань не выдержал, расхохотался, лениво провёл подушечкой пальца по его губам.

— Такой расстроенный?

В следующий миг Фу Гэ резко открыл рот и укусил его за палец.

— Если не собирался, зачем вообще об этом говорить?

Ци Хань усмехнулся, наклонился ближе, прошептал прямо в ухо:

— Потому что мне есть, что предложить лучше.

Он медленно улыбнулся, чувствуя, как Фу Гэ вздрагивает от близости.

— Так лучше, что ты кончишь, прежде чем сможешь хоть что-то попросить.

Фу Гэ не до конца разобрал последнее слово, но прекрасно понял подтекст.

По телу тут же прокатилась дрожь, по коже — горячая волна, а по ушам словно молнией ударило, так что кончики их вспыхнули алым.

— Не вздумай кормить меня пустыми обещаниями, а потом увиливать. — Голос его дрожал, но он изо всех сил старался сохранить серьёзность.

Ци Хань мягко рассмеялся и, чуть склонив голову, поцеловал его в висок.

— Обещаю, малыш.

Фу Гэ задумался, его лицо тут же залилось румянцем.

— В... в период течки... можно?

Завтра. Это уже завтра.

Его губы сжали, затем кто-то прикусил их — Ци Хань насмешливо склонился ближе:

— Совсем невмоготу?

Маленький бета был до абсурда честным.

— Угу... Я уже давно тебя хочу...

— Хороший мальчик, тогда я подготовлюсь.

Он чмокнул его в лоб, выпрямился, собираясь на кухню — пожарить Фу Гэ картошку фри.

Но бета тоже вскочил, натянул на себя одежду и шагнул с кровати. И сразу же замер.

Что-то внутри скрутило, сдавило, сжалось. В следующий миг воздух заполнила слишком знакомая, тягучая, дурманящая сладость. Аромат хлынул волной, накрывая альфу с головой.

Ци Хань застыл. Осознание накрыло с запозданием. Он медленно повернулся, их взгляды встретились.

— Уже?..

— Я... я не знаю... но если ты сейчас двинешься, швы разойдутся...

Губы его тронула усмешка, пальцы ухватили тело, подбросили вверх — и Фу Гэ с глухим стуком упал обратно в подушки.

Щелчок молнии. Пальцы Ци Ханя потянулись к ремню.

— Тогда пусть расходятся.

<http://bllate.org/book/14453/1278364>